

Врачи Демонического культа поспешили на зов, но, увидев состояние Главы, не решились подойти ближе.

Янь Лун, наконец, соизволил подняться и уступил им место у постели, чтобы они могли проверить пульс. После того как несколько лекарей по очереди обследовали больного, их лица заметно побледнели. Столь коварный яд даже на начальной стадии вызывал у них ужас, а теперь, когда отравы почти проникла в легкие и поразила внутренние органы, они и вовсе не надеялись на успех.

Янь Лун, словно что-то вспомнив, развязал пояс верхней одежды Шан Сююня и достал лист бумаги, исписанный названиями лекарств. Случайно заметив изящные ключицы и белизну кожи под распахнутым воротом, он невольно замешкался. Лишь плотно укутав человека одеялом, он наконец отвернулся.

Хотя лекари не могли создать противоядие с нуля, распознать готовое средство, имея перед глазами рецепт, было для них делом простым. После первой же дозы лекарства тело больного, до того бившееся в судорогах, заметно расслабилось. Врачи, опасавшиеся за собственные жизни, с облегчением выдохнули.

Увидев, что Чжун Юню стало лучше, Янь Лун взмахом руки велел лекарям удалиться. Он взял со стола принесенный из гостиницы узел Чжун Юня и достал оттуда бамбуковый тубус с лекарственным раствором. Смочив в нем белоснежный платок, он осторожно стер с лица больного слой бронзового налета, открывая естественную кожу, лишенную всякой маскировки. Еще раз протерев лицо чистой водой и убедившись, что не осталось никаких следов грима, он наконец закончил.

Бросив платок в сторону, он снял с Чжун Юня верхнюю одежду, оставив его в одном лишь удобном нижнем белье. Затем он и сам разоблачился и лег рядом.

Протянув руку, он крепко прижал мужчину к себе. Долго вглядываясь в его лицо, Янь Лун тяжело вздохнул и закрыл глаза. Под ними отчетливо залегли темные круги, но он всегда был настолько холоден и величественен, что никто не смел смотреть ему прямо в лицо — тем более замечать его усталость.

Брови Шан Сююня слегка нахмурились. Тело казалось скованным, словно невидимые путы мешали дышать. Подобно умирающему лебедю, он невольно приподнял голову, и его дыхание стало тяжелее, чем обычно. Он попытался пошевелиться, но слабость не позволяла приложить достаточно усилий — напротив, от движений путы лишь сжались сильнее.

Неужели это и есть предсмертное ощущение? Совсем не похоже на ту боль от меча, пронзившего сердце в прошлой жизни. Однако, прождав долгое время, он так и не дождался смерти.

Наконец почувствовав неладное, он резко распахнул свои чарующие глаза-персики, в которых не было ни тени замешательства. Его рука сработала быстрее разума: он вцепился в горло человека, находившегося вплотную к нему.

Увидев лицо того, кто был перед ним, он впервые пожалел о своей бдительности, выработанной в джунглях.

— Очнулся? Есть ли еще что-то, что тебя беспокоит? — Янь Лун, разумеется, не мог продолжать спать после такого приема. В противовес напряженному телу и настороженному взгляду Шан Сююня, он выглядел подчеркнуто расслабленным и ленивым, совершенно не обращая внимания на белую ладонь, сжимавшую его шею. Его взгляд скользил по лицу Чжун Юня: синюшный оттенок, вызванный ядом, исчез, и состояние заметно улучшилось.

Шан Сююнь не понимал, почему Янь Лун снова не убил его. В его глазах он увидел жалость — чувство, которое никак не могло там оказаться. Если бы он не знал всей подноготной, он бы решил, что они близкие друзья, а не заклятые враги, связанные кровью.

Но как такое возможно? Он убрал руку с шеи Янь Луна. Хотя поза, в которой он держал его, казалась угрожающей — мол, жизнь врага в его руках и достаточно лишь слегка сжать пальцы, чтобы все закончить, — он прекрасно понимал, что это лишь иллюзия.

Сосредоточившись на своих ощущениях, он почувствовал, что в теле еще осталась слабая боль, но по сравнению с тем, что было во время действия яда, это сущий пустяк. Он подсознательно привел в движение внутреннюю силу — никаких отклонений. Очевидно, Янь Лун помог ему исцелиться. Опасность, висевшая над головой, миновала, но он лишь сменил логово волка на берлогу тигра.

— Не знаю, брат Лун, что ты задумал на этот раз? — голос Шан Сююня звучал привычно, без лишних эмоций, словно двое незнакомцев встретились и обменялись дежурными фразами.

Янь Лун слегка поджал губы. Когда-то ему нравился такой характер Чжун Юня: тот никогда не пытался нащупать его границы и послушно следовал по проложенному пути. Теперь же эта отстраненность и безразличие вызывали в нем лишь досаду. Такая холодность означала, что Чжун Юнь не планирует сблизиться.

— Ничего не задумал. Просто поправляйся, — Янь Лун подавил горький привкус в горле, сжав пальцы так, что костяшки побелели. Лицо его оставалось бесстрастным, но тон стал мягче, чем обычно. Такого нежного Янь Луна он и сам себе представить не мог.

Шан Сююнь встретился с ним взглядом, не произнеся ни слова.

Атмосфера в комнате стала удушающей. Янь Лун поднялся, поправил одеяло на Чжун Юне и направился к выходу. Уже у самой двери он, словно что-то вспомнив, остановился:

— Меня зовут Янь Лун, я Глава Демонического культа. Это лицо — лишь маскировка для удобства передвижения.

Глядя на удаляющуюся фигуру Янь Луна, он чувствовал недоумение. Янь Лун ведь сам хотел опозорить его, сбросить в самую бездну. Почему он остановился именно тогда, когда цель была почти достигнута?

Будь он сторонним наблюдателем, он бы не осудил методы Янь Луна. Окажись он на месте Янь Луна, возможно, действовал бы еще жестче. После своей первой смерти он сотни раз представлял, как расправится с врагами — и его фантазии были куда кровавее.

Его мысли путались, но в итоге он решил просто ждать. Раньше он мог предугадать действия противника по его словам и поступкам, но теперь все было окутано туманом. Да и с его нынешними силами бежать было некуда. Ослабленное ядом тело требовало отдыха. Не успел он толком прийти в себя, как усталость снова потянула его в сон.

Неизвестно, сколько Янь Лун простоял за окном, дожидаясь, пока тот уснет, прежде чем снова войти в комнату. Он коснулся пальцем слегка нахмуренного лба, осторожно разглаживая морщинки, и на его губах появилась горькая усмешка.

Он, Янь Лун, человек, который уже однажды умер, словно по воле небес вернулся на два года назад. Зная причину всех своих несчастий, он решил задушить всё в зародыше. Убийство отца и братьев — в глазах многих он был исчадием ада. Но никто не знал, что он лишь защищал свою жизнь. Он был словно изгой, единственный, кто видел истинную расстановку фигур на доске.

И вот в поле его зрения снова появился Чжун Юнь. Несмотря на некоторые отличия от прошлой жизни, он сразу узнал того, с кем делил кров на протяжении трех-четырёх месяцев.

С самого начала он заметил, что нынешний Чжун Юнь не похож на того, из прошлой жизни. Он уже не был таким наивным и глупым, он сильно повзрослел.

Изучив его путь, он понял, в чем причина перемен. В прошлой жизни Чжун Юнь спас его вскоре после того, как спустился с гор, и с тех пор они были неразлучны. Янь Лун оберегал его, скрывая от него всю грязь и жестокость мира.

В этой же жизни Чжун Юнь прошел через всё сам. Он столкнулся со всеми проявлениями человеческой низости, сам решал свои проблемы и в итоге, из-за нехватки мастерства, вернулся в Шаолинь избитым и униженным. Это объясняло его одержимость боевыми искусствами.

Даже имея одинаковое начало, разные условия взросления формируют совершенно разных людей.

Узнав всё, что хотел, он решил дать Чжун Юню прочувствовать предательство близкого друга, возлюбленного, своего ордена. У Чжун Юня не было близких друзей, поэтому он, его бывший «соратник», идеально подходил на эту роль.

Однако он забыл, что не всем в этом мире можно манипулировать. Даже будучи предельно расчетливым, он не мог обуздать собственные чувства.

После сближения с нынешним Чжун Юнем даже он сам начал теряться.

Это лицо, в котором сквозило нечто священное, казалось, не должно было оскверняться ничем земным. А он — демон, выбравшийся из самого ада, — не мог быть чистым. И чем сильнее он это осознавал, тем больше хотел приблизиться. Он начал следить за каждым шагом Чжун Юня в поместье, оправдывая себя фразой «знай врага и знай себя».

Прошли месяцы, и он, не пропуская ни одной детали, слушал доклады подчиненных о монотонной жизни Чжун Юня. Стражники, охранявшие его, сначала удивлялись, но потом привыкли. Если однажды он не спрашивал, они начинали нервничать.

Постепенно он узнал все его предпочтения. Зная, что тот любит цветы, он приносил в его двор редкие растения. Их отношения стали чуть теплее. И хотя Чжун Юнь больше не искал его помощи во всем, Янь Лун уже не считал его чужаком, которого можно выбросить.

На самом деле, он так и не разглядел Чжун Юня, как и никто другой не видел его истинной сути. Он считал его чистым нефритом, но тот вовсе не был так безупречен. Поняв, что его неправильно поняли, он даже не стал оправдываться, либо же давно предвидел последствия и выбрал самый безопасный путь.

Люди говорили, что Чжун Юнь бежал от стыда, но лишь он, виновник всего, знал истинную причину. С тех пор как он проболтался, что поместье принадлежит Демоническому культу, Чжун Юнь оказался втянут в их дела. А когда Янь Лун с помощью своей внутренней силы имитировал буддийскую технику, Чжун Юнь и вовсе не смог оправдаться.

Оказавшись в лесу, Чжун Юнь проявил ту жестокость, что пряталась под маской святости. Его шаолиньские приемы, в его руках превратившиеся в орудия убийства, были слегка изменены. Он показал свое непревзойденное мастерство в ядах, и праведники дали ему громкое прозвище — Демонический монах Цзы Цзюэ.

Именно из-за того, что он ушел в лес, он исчез из поля зрения Янь Луна. Изо дня в день Янь Лун сходил с ума от тревоги. А когда одна из Защитниц Дхармы, Хань У, попыталась соблазнить его с помощью приворотных зелий, перед его глазами постоянно всплывало лицо Чжун Юня, и он больше не мог обманывать себя.

Когда он касался других, он всегда вспоминал того мужчину, и любая женщина, какой бы очаровательной она ни была, становилась ему противна.

К сожалению, даже осознав свои чувства, он долго не мог найти его. Он задействовал всех людей культа, но поиски не давали результатов. С каждым восходом и закатом его тревога росла. А когда он услышал, что Тань Юйвэй отравила его смертельным ядом, его беспокойство достигло предела.

К счастью, он нашел его.

Он думал, что в этой жизни больше не будет поводов для сожалений. Кто бы мог подумать, что возникнет такое неожиданное чувство?

Но раз уж оно появилось, Янь Лун не собирался отступать. То, что он хочет получить, он заберет любыми средствами.

Янь Лун наклонился и запечатлел легкий поцелуй на его губах. Простое касание, но в его глазах оно стало чем-то священным, словно печать.

Люблю тебя. Люблю так, что ревную даже самого себя, скрытого под маской. Не хочу, чтобы в твоём сердце был кто-то другой. Возможно, это уже больше, чем просто симпатия.

Когда Шан Сююнь снова открыл глаза, наступил следующий день. Боль почти утихла. Бушующая в теле внутренняя сила больше не требовала укрощения и текла по меридианам согласно заданному пути. Они стали шире и крепче, чем до отравления, что означало, что он сможет продвинуться на пути боевых искусств ещё дальше.

Ширина меридианов человека предопределена, и если нет никаких чудес, то и достижения в боевых искусствах тоже предопределены. Именно поэтому в мире боевых искусств так много говорят о таланте. Конечно, бывают исключения.

Техника, которую практиковал Янь Лун, явно была привилегией главного героя: она позволяла постоянно расширять меридианы, а значит, его путь был бесконечен. Он был истинным любимцем небес.

Он откинул полог кровати. После нескольких циклов циркуляции внутренней силы в теле появилась энергия, хотя лицо оставалось мертвенно-бледным. Увидев узел на столе, Шан Сююнь подошел к нему. В бамбуковых тубусах лежали приготовленные им лекарства, среди которых был и яд, способный угрожать жизни Янь Луна.

Что это — чрезмерная самоуверенность Янь Луна или его безграничное доверие к Чжун Юню? Как можно оставлять такие вещи в зоне досягаемости?

Он придвинул стул, сел за стол и открыл тубус, вдыхая свежий аромат. Кто бы мог подумать,

что это средство, похожее на благовония, станет смертельным ядом?

Раздался звук открываемой двери, и Шан Сююнь невольно поднял голову. Вошел Янь Лун с чашей лекарства. Аромат отвара подсказал, что это просто общеукрепляющее средство, без всяких примесей.

— Проснулся? Пей, — буднично сказал Янь Лун, заставляя поверить, будто они очень близки. Его звездные глаза задержались на лекарственном тубусе в руках Чжун Юня, отчего Шан Сююнь невольно сжал пальцы. — Позже я велю принести тебе фарфоровые флаконы, так будет безопаснее.

— Хорошо, — кивнул Шан Сююнь. Одно это слово вызвало у Янь Луна прилив восторга, и уголки его губ приподнялись, растапливая лед на лице.

Шан Сююнь опустил голову, избегая взгляда, и мысленно вздохнул, поражаясь красоте главного героя. Неудивительно, что за ним толпами бегали красавицы, словно мотыльки на огонь. Его статус, богатство, мастерство и внешность — всё это было мощным оружием. Когда всё это сосредоточено в одном человеке, эффект получается непревзойденным.

Янь Лун протянул руку, забрал у него тубус с ядом, закрыл крышкой и отложил в сторону. Шан Сююнь не стал сопротивляться. Янь Лун достал мягкий шелковый платок, тщательно протер ему каждый палец и вложил в руку чашу. Даже не пробуя, он понял, что температура отвара идеальна для усвоения.

Такой Янь Лун казался ему странным, даже пугающим. Было ощущение, что он замышляет что-то недоброе, а он, Шан Сююнь, может лишь ждать результата, не в силах сопротивляться.

Он выпил жидкость до последней капли. Только восстановив это тело, он сможет справиться с грядущими событиями.

— Я спрашивал у лекаря, чтобы быстрее поправиться, нужно больше гулять и дышать свежим воздухом, а не сидеть взаперти, — Янь Лун был доволен, что тот выпил лекарство. В его глазах читалась нежность, в которой можно было утонуть.

Шан Сююню же это казалось подозрительным. Разве может лиса, пришедшая поздравить курицу с праздником, желать ей добра?

— М-м, — Шан Сююнь поднялся и открыл дверь. Янь Лун забрал чашу, передал ее стражнику, который, видимо, дежурил здесь уже давно, и последовал за ним. Он жил в той же комнате, что и до ухода из поместья. Во дворе почти ничего не изменилось — среди редких цветов и трав было немало целебных, которые он когда-то часто собирал.

— Пока тебя не было, в поместье ничего не изменилось. Если захочешь прогуляться — выходи

в любое время. А если захочешь покинуть поместье... — Янь Лун помедлил, но тут же продолжил: — Нужно подождать, пока ты окрепнешь. Снаружи все еще много людей, которые ищут тебя.

Шан Сююнь, конечно, заметил эту заминку. Покинуть поместье? Едва ли он действительно позволит ему уйти. Он опустил глаза, длинные ресницы слегка дрогнули, скрывая мысли.

Янь Лун наблюдал за ним сбоку. По сравнению с тем, что он помнил, в нем стало меньше святости и сострадания, зато больше холодного равнодушия к внешнему миру и той гордости и настороженности, что, казалось, пропитали саму душу. Он выглядел более доступным, чем раньше, но на самом деле становился всё дальше.

Отрастив длинные волосы, он стал выглядеть еще изысканнее, привлекая взгляды... Но ни одна женщина не сможет встать рядом с ним.

Увидев вдалеке павильон, Шан Сююнь ускорил шаг. Его телу сейчас не подходили длительные прогулки, но и сидеть в четырех стенах было вредно. Умеренная активность была как раз кстати.

Только поднявшись в павильон, он почувствовал на себе обжигающий взгляд. Взгляд, полный неприкрытой враждебности и ревности — он был ему отлично знаком. Одна из четырех Защитниц Дхармы, Хань У. Однако сейчас ее состояние было странным. Глядя на человека за его спиной, она все еще испытывала влечение, но в нем проскальзывал страх.

Янь Лун, увидев Хань У, нахмурился. Вспомнив, что эта женщина думает о нем и какую угрозу может представлять для Чжун Юня, он в душе без колебаний приговорил ее к смерти. Она была способной, но в Демоническом культе таких немало. Сейчас он не мог позволить, чтобы недопонимание между ним и Чжун Юнем усилилось.

Шан Сююнь не знал, что случайно решил судьбу другого человека. Он взглянул на собеседника Хань У — судя по тому, что тот сидел с ней за одним столом, его статус в культе был не ниже. Похоже, он забрел не туда.

Хань У и мужчина напротив, увидев Янь Луна, поспешно поднялись:

— Глава!

Шан Сююнь хотел было развернуться и уйти, но мужчина, сидевший напротив Хань У, приглашающим жестом уступил ему место. Он слегка улыбнулся, выглядя очень дружелюбно. Он больше походил на ученого, чем на адепта культа, и даже одет был как книжник.

— Прошу, молодой мастер Чжун.

— Благодарю.

<http://bllate.org/book/21693/2237489>